

Что определяет миграционные намерения горожан: результаты опросов населения, проведенных в 10 регионах России в 2018-2023 гг.

Михаил Олегович Балабан
(mbalaban@hse.ru), Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Россия.

Ольга Алексеевна Родина
(oarodina@hse.ru), Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Россия.

Кирилл Олегович Чертенков
(kchertenkov@hse.ru), Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Россия.

Екатерина Александровна Шарепина
(eaandreeva@hse.ru), Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Россия.

What determines the migration intentions of city dwellers: results of surveys conducted in 10 regions of Russia in 2018-2023

Mikhail Balaban
(mbalaban@hse.ru), HSE University, Russia.

Olga Rodina
(oarodina@hse.ru), HSE University, Russia.

Kirill Chertenkov
(kchertenkov@hse.ru), HSE University, Russia.

Ekaterina Sharepina
(eaandreeva@hse.ru), HSE University, Russia.

Резюме: Цель статьи – проанализировать социально-демографические характеристики жителей и характеристики населенного пункта их проживания как факторы наличия или отсутствия миграционных намерений. Основным источником служила база данных (всего 6823 анкеты), собранная методом уличного анкетного опроса в рамках экспедиционных выездов в 2018-2023 гг., посвященных анализу миграционных процессов, в десяти регионах России (Башкортостан, Бурятия, Коми, Удмуртия, Хакасия, Ямало-Ненецкий автономный округ, Воронежская, Саратовская, Сахалинская, Тверская области). Для анализа факторов наличия миграционных намерений использованы методы описательной статистики, корреляционный анализ, а также логистическая регрессия. Результаты показывают, что шансы иметь миграционные намерения снижаются с возрастом; выше у женщин, чем у мужчин; выше у людей без партнера/супруга; у незанятых и экономически неактивных по сравнению с теми, кто имеет занятость; у людей с высшим образованием по сравнению с теми, у кого его нет. При контроле переменных, характеризующих населённый пункт, индивидуальные различия в миграционных намерениях не изменяются. С большей вероятностью миграционные намерения имеют жители городов с численностью населения от 50 до 100 тыс. человек, населённых пунктов со сравнительно низким качеством городской среды, расположенных на периферии региона, с более высоким отношением средней зарплаты к прожиточному минимуму. Специализация на добывающей и обрабатывающей промышленности, депопуляция более 10% с 1989 г., высокая доля неместных уроженцев, обеспеченность программами среднего профессионального образования (СПО), напротив, снижают шансы проживающих в таких населенных пунктах иметь миграционные намерения.

Ключевые слова: Россия, уличный опрос, миграционные намерения, факторы миграции, внутренняя миграция.

Благодарности: Авторы выражают благодарность Лилии Борисовне Карачуриной и Никите Владимировичу Мкртчяну за многолетнюю работу над темой, организацию исследовательских экспедиций и ценные наставления и комментарии в работе над статьей; участникам экспедиций (2018-2023 гг.) по изучению миграционного поведения за сбор данных анкетных опросов, используемых в исследовании; Анастасии Кобылиной за помощь на различных этапах реализации исследования; Эльзе Михалициной, Дмитрию Баранову и Анне Моисеевой за вклад в работу над обработкой и объединением данных.

Финансирование: Исследование реализовано при поддержке факультета социальных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

Для цитирования: Балабан М.О., Родина О.А., Чертенков К.О., & Шарепина Е.А. (2024). Что определяет миграционные намерения горожан: результаты опросов населения, проведенных в 10 регионах России в 2018-2023 гг. *Демографическое обозрение*, 11(4), 136-168.

Abstract: *The purpose of the article is to analyze what socio-demographic characteristics and characteristics of the place of residence determine the presence or absence of migration intentions. The source of data was a survey database (6,823 questionnaires in total) collected by street survey method as part of expeditions in 10 regions of Russia in 2018-2023, devoted to the analysis of migration processes (republics of Udmurtia, Bashkortostan, Buryatia, Khakassia, Komi, Yamalo-Nenets Autonomous Okrug, Sakhalin, Voronezh, Saratov, and Tver oblasts). Descriptive statistics, correlation analysis, and logistic regression were used to analyze the factors of migration intentions. The odds of having migration intentions were higher for young people than for older people; for women than for men; for those without a partner/spouse; for the unemployed and economically inactive than for the employed; and for those with higher education than for those without. Individual differences in migration intentions do not change when controlling for settlement variables. Residents of cities with 50 to 100 thousand inhabitants are more likely to have migration intentions, as are those in localities with worse urban environment characteristics, located in the periphery, and with higher relative average wages. In contrast, specialization in mining and manufacturing industries, depopulation of more than 10% since 1989, a high share of non-local residents, and a wide offering of professional education programs reduce the chances of those living in such areas to have migration intentions.*

Keywords: *Russia, street survey, migration intentions, migration factors, internal migration.*

Acknowledgements: *The authors would like to thank Lilia Borisovna Karachurina and Nikita Vladimirovich Mkrtchyan for many years of work on the topic, organization of research expeditions and valuable guidance and comments in the work on the article; the participants of the expeditions (2018-2023) to study migration behavior for collecting the questionnaire survey data used in the study; Anastasia Kobylina for her assistance at various stages of the research implementation; Elza Mikhailitsina, Dmitry Baranov and Anna Moiseeva for their contribution to the work on data processing and merging.*

Funding: *The research was implemented with the support of the Faculty of Social Sciences, HSE University.*

For citation: *Balaban M., Rodina O., Chertenkov K., & Sharepina E. (2024). What determines the migration intentions of city dwellers: results of surveys conducted in 10 regions of Russia in 2018-2023. *Demographic Review*, 11(4), 136-168.*

Введение

Наличие намерений к переезду является важным индикатором качества жизни, удовлетворенности местом своего нынешнего проживания и может использоваться для прогнозирования показателей миграционного прироста (оттока) (Tjaden, Auer, Laczko 2019). Миграционные намерения не образуются в вакууме, их определяют как факторы, связанные с надындивидуальным уровнем (характеристиками страны, региона, населенного пункта, т. е. факторы, действующие на макроуровне), так и индивидуальные характеристики человека и его ближайшего окружения (факторы микроуровня).

Факторы, определяющие наличие миграционных намерений или их отсутствие в России, часто оказываются вне фокуса исследовательского внимания. Существующие исследования фокусируются на миграционных намерениях отдельных групп, чаще всего молодежи (в целом (Осипова, Маклашова 2016), отдельно выпускников школ (Флоринская, Рощина 2005; Карачурина, Флоринская 2019), студентов и выпускников вузов (Варшавская, Чудиновских 2014), молодежи с миграционным бэкграундом (Рочева, Варшавер 2020) и др.), или анализируют миграционные намерения жителей отдельных регионов (Кутовая 2014; Скрипник 2010), что не дает возможности оценить вклад факторов микро- и макроуровня в формирование миграционных намерений разных социально-демографических групп (разного возраста, пола, образования).

Представляется, что наличие данной лакуны в российских исследованиях может быть объяснено сложностью и неоднозначностью категории «миграционные намерения», трудностями ее формализации и операционализации (Kley 2011), недостатком количественных исследований, которые опираются на вопросы о миграционных планах. В этом ракурсе важным источником являются используемые в нашей статье данные выборочного исследования, проведенного методом уличных опросов в рамках специально организованных экспедиционных выездов в 2018-2023 гг. в 24 населённых пунктах 10 регионов России (всего в базе данных представлены ответы 6823 респондентов). Они позволяют провести комплексный анализ факторов, определяющих намерение переехать. Такого типа исследование, насколько нам известно, в российском контексте проводится впервые.

Цель статьи – проанализировать, какие факторы определяют наличие или отсутствие миграционных намерений на микро- (индивидуальном) и макроуровнях (контекстуальных характеристик населенных пунктов). Основные исследовательские вопросы: Как концептуализируется понятие миграционных намерений? Что может объяснять миграционные намерения? Каковы различия в миграционных намерениях у разных социально-демографических групп? Есть ли различия между населенными пунктами разных типов в миграционных намерениях для разных социально-демографических групп?

Концептуализация понятия миграционные намерения

Несколько понятий формируют разные составляющие процесса принятия решений о миграции: «миграционные намерения», «желание или стремление мигрировать», «планы на миграцию».

Термин «желание мигрировать» (*aspiration/desire to migrate*) относится к стремлению или мечте человека переехать в другое место без оценки возможностей для ее совершения и игнорировании возможных ограничений (Carling, Schewel 2018).

Это начальный этап процесса принятия миграционных решений, и в большей степени он касается надежд и мечтаний человека. Методически такое «желание» измеряется с помощью вопросов, отражающих общую, «очищенную» от обстоятельств и ограничений оценку предпочтения миграции: «В идеале, если бы у вас была такая возможность, хотели бы вы переехать на постоянное место жительства в другую страну или предпочли бы продолжать жить в этой стране?» (OECD 2015: 41) и др. (Carling 2013: 2).

«Миграционные планы» (*migration plans*) более конкретны, чем «желание переехать». Они указывают на более определенное решение о миграции, базируются на оценке конкретного плана, алгоритма реализации своего стремления. Это транслируется в более специфичных формулировках вопросов-индикаторов: «Планируете ли Вы переехать в (предпочтительную страну назначения) в ближайшие 12 месяцев или нет?» (Gallup 2008: 2); «Попытаетесь ли Вы поехать в (предпочитаемую страну назначения) в течение следующих пяти лет?» (Carling 2013: 2).

«Миграционные намерения» (*intention to migrate*) – это более широкое понятие, которое включает в себя миграционные желания, миграционный план, подготовку к миграции (Carling, Schewel 2018). В ряде исследований для измерения миграционных намерений используются двухступенчатые вопросы: сначала оценивается наличие общего намерения на переезд, далее добавляются вопросы о сроке переезда или наличии мыслей, или планирования переезда. Например: «Скажите, пожалуйста, хотели бы Вы переехать в другой населенный пункт России на постоянное место жительства или нет? Вы уже задумывались о том, когда примерно могли бы осуществить этот переезд? Если да, то когда именно?» (ВЦИОМ 2021: Таблица 3-4).

В рамках данного исследования миграционные намерения определены как желание или планы индивида либо группы людей переехать из одного населенного пункта в другое, т. е. сменить обычное (постоянное) место жительства. Вопрос о намерениях задавался в общем виде, без уточнения возможностей для его осуществления и срока переезда («Хотели бы Вы уехать из этого населённого пункта?»). Таким образом, к жителям, имеющим миграционные намерения, мы относили как тех, кто только имеет мечты о переезде, так и тех, кто уже спланировал переезд или осуществит его в ближайшее время.

Факторы микро- и макроуровня, определяющие наличие миграционных намерений

Одними из важнейших детерминант миграционных намерений на индивидуальном уровне являются пол и возраст. Молодые возраста имеют самые высокие показатели интенсивности как фактической миграции (Efendic 2016), так и вероятности иметь миграционные намерения (Hadler 2006). В большинстве случаев мужчины чаще имеют миграционные намерения, чем женщины (Fassmann, Hintermann 1998), что особенно актуально для международной миграции (Smith, Floro 2020). Однако в рамках внутривосточной миграции, например в населённых пунктах со специфичной «мужской» специализацией рынка труда, женщины могут иметь более высокие миграционные намерения (Bjarnason, Thorlindsson 2006).

Состояние в браке может стать как ограничением, так и дополнительной мотивацией для потенциальной миграции, но традиционно одинокие люди желают мигрировать чаще (Abdelwahed, Goujon, Jiang 2020). Между миграционными намерениями

состоящих в браке и состоящих в незарегистрированном партнерстве часто не наблюдается значимой разницы, в то время как разведенные больше похожи на одиноких и также чаще имеют намерения переехать (Aslany et al. 2021). Сами события жизненного пути, связанные с созданием семьи или, например, разводом, могут вызывать как миграционные намерения, так и фактическую миграцию (Feijten, van Ham 2007).

Более высокий уровень образования сопряжен с повышенными миграционными намерениями (Epstein, Gang 2006; Fassmann, Hintermann 1998): образование позволяет легче справляться с институциональными барьерами, удовлетворять квалификационным требованиям, в том числе расширяя возможности трудоустройства, изучения языка – т. е. делает миграцию более достижимой (Berlinschi, Narutyunyan 2019).

Занятость же нелинейно определяет миграционные намерения: отсутствие работы (или занятость на низкооплачиваемых должностях) может служить выталкивающим фактором и мотивировать искать возможности трудоустройства в других местах, но при этом и ограничивать возможности покрытия расходов на миграцию (Aslany et al. 2021). Также нелинейная связь наблюдается с общим уровнем благосостояния: исследования выявляют либо перевернутую U-образную связь между благосостоянием и миграционными намерениями (самые низкие намерения наблюдаются у беднейших и богатейших слоев населения (De Haas 2020)), либо отрицательную связь (Smith, Floro 2020). Невысокие миграционные намерения у людей с низким социально-экономическим статусом могут объясняться ловушкой бедности (Abramitzky, Boustan, Eriksson 2013).

Исследователи не ограничиваются рассмотрением связи базовых социально-демографических характеристик и миграционных намерений. Активно изучается наличие предыдущего опыта миграции (Williams, Baláž 2014), социальных связей в желаемом пункте миграции (Cairns, Smyth 2011; Smith, Floro 2020). Эти факторы позволяют снижать неопределенность и страхи, связанные с миграцией (Baláž, Williams, Fifeková 2016).

Другие исследователи обращаются к психологическим детерминантам миграционных намерений: ориентированность на карьеру, высокая мотивация (Cairns 2010), самостоятельность, открытость к риску и новым впечатлениям (Jokela 2009) действительно повышают шансы как иметь желание мигрировать, так и собственно совершать миграцию, а привязанность к родной общине, напротив, снижает эти вероятности (Schewel 2015). Субъективное благополучие в целом также является предиктором возникновения намерений мигрировать: более счастливые и удовлетворенные своим уровнем жизни люди реже имеют миграционные намерения (Otrachshenko, Popova 2014).

На миграционные намерения могут влиять не только личные характеристики человека, но и характеристики территории въезда и выезда – макрофакторы. При этом территорию исследуют на разных уровнях: на уровне стран (Fassmann, Hintermann 1998; Hadler 2006), регионов или отдельных населенных пунктов внутри них (Shen et al. 2023). Стоит отметить, что макрофакторами могут являться как отдельные индикаторы (например, уровень благосостояния или качества жизни (van Mol 2016)), так и индексные показатели.

Исследователи фактической миграции традиционно делят факторы миграции на притягивающие (привлекают в точку назначения) и выталкивающие с территории, на которой человек живет (Lee 1966). Устоявшейся классификации макрофакторов не

существует, выделяют различные индикаторы, влияющие на желание уехать. В рамках данного исследования из-за невозможности однозначного определения желаемого направления миграции мы фокусируемся в большей степени на второй категории, характеризующей территорию потенциального выбытия. Несмотря на то, что в рамках анкеты собирали данные о потенциальных направлениях миграции, ответы респондентов слишком разнородны: одна часть отвечает о стране и (или) регионе и (или) населенном пункте (НП), другая часть выбирает несколько возможных направлений миграции, третья затрудняется ответить на данный вопрос.

Классическая взаимосвязь экономических факторов и миграционных намерений такова: в регионах с низким валовым региональным продуктом и средними зарплатами, высокой безработицей у населения будут наблюдаться более высокие миграционные намерения (Hadler 2006). Однако в случае международной миграции эти же факторы могут работать и в обратную сторону (там же). Существуют исследования, показывающие связь миграционных намерений с ценами на жилье: более доступная недвижимость помогает людям закрепиться в городах и не возвращаться в сельскую местность (Chen et al. 2020).

К инфраструктурным факторам следует отнести наличие вузов, медицинских центров, культурно-досуговых учреждений, состояние городской среды. Так, мотивом эмиграции может являться отсутствие нужной специальности в местном университете (Мкртчян, Флоринская 2020; ВЦИОМ 2021). В статье Веселковой, Вандышева и Прямиковой (2021) рассматриваются взаимосвязи между молодежной мобильностью и образовательными институциями в моногородах: с одной стороны, локальные образовательные учреждения создают возможности для дальнейшей миграции молодежи, с другой – они же являются условием для сбора и привлечения населения с окружающих территорий, удержания собственной молодежи на момент получения образования и в дальнейшем при создании возможностей для их личностной самореализации. Можно предположить аналогичное применительно к любым другим центрам организации территории.

Некоторые исследователи определяют совокупность инфраструктурных факторов как индикаторов качества жизни, а именно таких характеристик, как доступ к здравоохранению, социальному обеспечению, образованию, уровень преступности и загрязнение окружающей среды и др. (Hsieh, Liu 1983). И хотя экономические макрофакторы часто выделяются как главенствующие в образовании миграционных намерений (Niedomysl 2011; ВЦИОМ 2021), по результатам этих исследований, стремление к лучшему качеству жизни в долгосрочной перспективе более значимо, чем экономическая мотивация при принятии решения о миграции.

Экологические и природно-климатические факторы являются скорее второстепенными по отношению к экономическим (Мкртчян, Флоринская 2020). Тем не менее исследования показывают, что люди стремятся уехать с территорий с суровым климатом (там же), загрязнением окружающей среды или катаклизмами (Abdelwahed, Goujon, Jiang 2020; De Longueville et al. 2020), а при выборе нового места жительства чаще выбирают территории с более теплыми зимами (Scott 2010).

Часть характеристик населённых пунктов связывается с миграционными намерениями их жителей не напрямую, а определяя условия для проявления описанных выше факторов. Так, исследования показывают, что характеристики территориального положения (периферийность, расстояние от крупных населенных пунктов, статус столицы,

транспортная доступность и др.), людность населённого пункта связаны с экономическим положением, возможностями инфраструктуры, поэтому служат предикторами миграционных намерений (Buch et al. 2014). Периферийные населённые пункты имеют выше отток и миграционные намерения населения, например среди выпускников (Карачурина, Флоринская 2019). Связь с размерами населённых пунктов непостоянна и зависит от стадии урбанизации (Geyer, Kontuly 1993), но при прочих равных крупные центры являются более миграционно привлекательными (Мкртчян 2024).

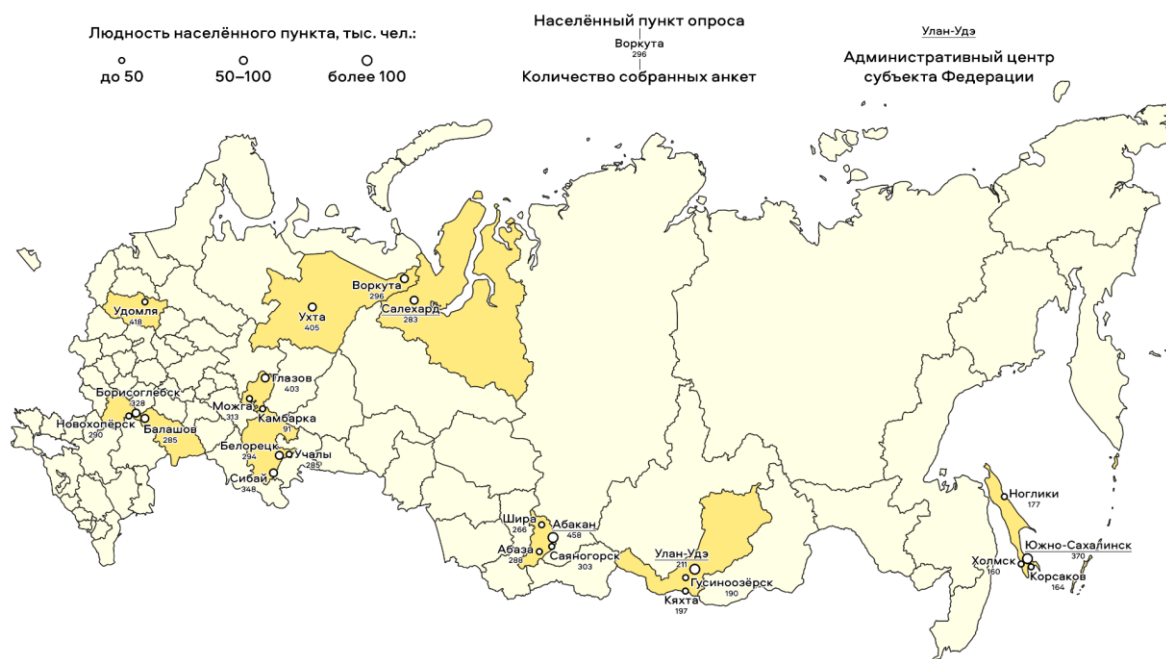
Миграционные намерения россиян часто оказываются вне исследовательского фокуса, уступая место изучению трендов в фактической миграции или, например, ее причинам (Мкртчян, Флоринская 2020). Набор детерминант миграционных намерений в российских исследованиях достаточно традиционен: рассматриваются различия по возрасту и полу, социально-экономическим характеристикам и наличию миграционного опыта (Савоскул 2013; Иванова 2017; Варшавская, Чудиновских 2014). Многие из них подтверждают описанные выше взаимосвязи. Среди факторов, значимо снижающих вероятность наличия миграционных намерений, стоит отметить наличие друзей (Варшавская, Чудиновских 2014), семьи и детей (Савоскул 2013; Иванова 2017). Более высокий уровень образования (Шахова 2020) или же отсутствие в населённом пункте возможностей для получения образования, в частности высшего (Макарова 2023), наоборот, повышает шансы появления желания переехать (Савоскул 2013). Помимо этого, для молодых людей более значимыми в определении миграционных намерений являются «субъективные» показатели материального благополучия, чем «объективные» (Рочева, Варшава 2020).

Таким образом, наличие или отсутствие миграционных намерений определяется широким набором факторов микро- и макроуровня. Исследователи действуют в зависимости от поставленных задач более широко или менее масштабно. В рамках данного исследования перечень индикаторов был определен в значительной мере, исходя из возможностей данных (включенных в анкету вопросов и доступных статистических данных, характеризующих населённые пункты).

Данные и методы

Основным источником данных является база данных анкетных опросов, проведенных в рамках экспедиций Фонда образовательных инноваций НИУ ВШЭ в 2018-2023 гг. и посвященных анализу миграционных процессов в десяти регионах России. База была сформирована по неслучайной квотной выборке (доверительный интервал 95%) в соответствии с половозрастной структурой населения муниципального образования, в котором проходил опрос, в возрастах 15-64 лет (по пятилетним возрастным группам) методом уличного анкетного опроса. Список населённых пунктов, в которых проходил сбор данных, представлен на рисунке 1 и с подробными данными в таблице П1 Приложения. Данные в 2018-2021 гг. собирали с помощью «бумажных» анкет, далее введенных в SPSS; начиная с 2022 г. – с помощью программного обеспечения ArcGIS Survey 123. База содержит 6823 анкеты.

Рисунок 1. Населенные пункты опроса

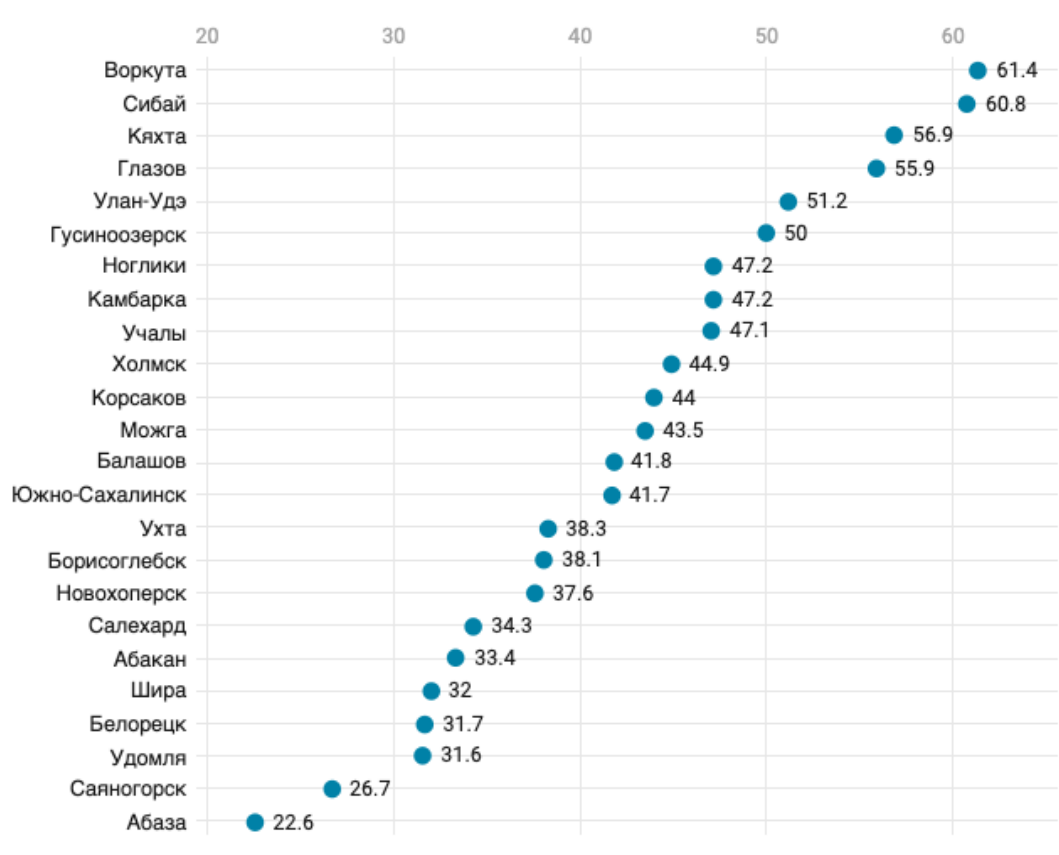
Источник: Данные опроса, База данных показателей муниципальных образований (БДПМО).

Анкета состоит из 18 вопросов, среднее время заполнения – 7 минут. В анкете содержатся вопросы о социально-демографических характеристиках, месте рождения респондента, количестве и направлениях переселений (если они происходили), участии в вахтовой миграции (самого респондента и членов его семьи). Второй блок включает вопросы о частоте и цели посещения разных категорий населенных пунктов (соседних сельских населенных пунктов, столицы региона, других городов региона, Москвы, других регионов). Третий блок вопросов связан с миграционными намерениями (в том числе сроками предполагаемого переезда, направлением и причиной желая переехать или остаться в данном населенном пункте).

На рисунке 2 представлено распределение обследованных населенных пунктов по доле респондентов, имеющих миграционные намерения. В общем по выборке 41,5% опрошенных имеют миграционные намерения, соответственно 58,5% не имеют таковых. Данные выявляют высокую вариацию доли желающих переехать: разброс составил 40 п.п., максимальные доли населения, имеющие миграционные намерения, составили около 60% среди опрошенных в Воркуте и в Сибее, минимальные – в Абазе и в Саяногорске (23 и 27% соответственно). Таким образом, полученные данные не гомогенны на индивидуальном уровне и уровне населенных пунктов, а значит, позволяют проанализировать различия в наличии миграционных намерений и определяющие их факторы.

Рисунок 1. Доля имеющих миграционные намерения, % от числа опрошенных в каждом населенном пункте

Источник: Данные опроса.

Важным вопросом применительно к такому варианту выборки (неслучайная, уличная и стихийная) является оценка качества данных и возможных смещений. Квотность позволяла при сборе данных контролировать сохранение в выборке пропорций по полу и возрасту, однако другие структурные характеристики населения, такие как образование, брачный статус, мы не контролировали. В связи с этим необходимо дополнительно проверить, насколько собранные данные соответствуют образовательной и брачной структуре населения. Сравнение пропорций по уровню образования (высшее и среднее профессиональное образование) и брачному статусу представлено в таблице П2 Приложения. Сравнение проводили по, к сожалению, не вполне корректным данным Всероссийской переписи населения 2020 г. (ВПН) для соответствующих населенных пунктов или их муниципальных районов (Андреев, Чурилова 2023). Для сравнения показателей брали соответствующую возрастную группу 15-64 года.

Население со средним профессиональным образованием попало в нашу выборку со значительной степенью соответствия генеральной совокупности, в целом выборка получилась более образованной за счет недопредставленности людей с образованием ниже среднего и завышением на 10 п.п. доли людей с высшим образованием. По доступным данным о брачной структуре мы наблюдаем достаточно низкий разброс отклонения от пропорций генеральной совокупности. Результаты анализа отклонения выборочной совокупности от генеральной по брачной и образовательной структуре говорят о приемлемом для анализа качестве данных.

Анализ влияния переменных, характеризующих населенный пункт проживания, также осложнен несколькими причинами. Во-первых, выборка включает сравнительно небольшое число населённых пунктов (24). Во-вторых, к индивидуальным данным добавлены показатели, характеризующие различные аспекты жизни в НП или районе в целом. При этом субъективные оценки отдельных респондентов могут отличаться как с точки зрения наличия связи с желанием переехать, так и с точки зрения восприятия характеристик населённых пунктов (например, городской среды, образования). В-третьих, выборку регионов и населенных пунктов строили стихийно, она зависела от задач экспедиций, т. е. не репрезентирует анализируемые факторы, позволяет оценивать различия с осторожностью. В таблицах П3 и П4 Приложения представлено распределение количества населенных пунктов в каждой анализируемой группе. Так, 21 из 24 обследованных НП имеет численность населения менее 100 тыс. человек; на такие населённые пункты приходится 85% опрошенных, хотя в НП этой категории проживает только 48% населения страны. Кроме того, выборка смещена в сторону населённых пунктов с неблагоприятными климатическими условиями (16 из 24), расположенных в азиатской части страны (12 из 24 НП, в которых живёт 45% опрошенных, хотя на Азиатскую Россию приходится только 25% населения). Построение логистической регрессии позволяет снизить влияние данных смещений в выборке и проанализировать значимость факторов при контроле других переменных.

Нельзя забывать также об иных ограничениях: сбор анкет проходил летом и в уличных условиях, чаще всего – в оживленных частях НП. Поэтому в выборку могла не попасть часть менее физически мобильного населения, а также люди, уехавшие в отпуск.

Микрофакторы: описательные статистики

В начале мы бы хотели обратиться к поиску различий в миграционных намерениях между социально-демографическими группами: мужчинами и женщинами, с высшим образованием и без него, занятыми и безработными, в браке и одинокими, разными возрастами. Какие из этих групп чаще имеют миграционные намерения? Наблюдаются ли обсуждаемые в литературе взаимосвязи? Исходя из исследований, мы ожидаем, что более высокие миграционные намерения будут иметь:

- более молодые;
- мужчины;
- с высшим образованием;
- незанятые;
- одинокие.

Анкета не содержала вопросов, позволяющих включить в анализ психологические и личностные факторы, общее субъективное благополучие.

Для выявления значимых различий в доле желающих уехать в зависимости от индивидуальных характеристик респондента использовали двусторонний Z-критерий (таблица 1).

Таблица 1. Доля желающих уехать в зависимости от индивидуальных характеристик, %

Группа характеристик	Характеристика	Доля желающих уехать	Не старше 34	35-54 года	55 и старше
Возраст	15-24	72,3*			
	25-34	45,2*			
	35-44	37,8*			
	45-54	33,8*			
	55-64	20,8			
Пол	Мужской	38,9	56,9	31,1*	16,8
	Женский	43,6*	60	40,2	23,5*
Брачный статус (бинарная переменная)	Не женат/не замужем		67,1*	36	23,2*
	Женат/замужем		43,2	34	18,3
Брачный статус	Женат/Замужем	32,2*			
	Незарегистрированный брак (партнерство)	46,5*			
	В разводе / разошлись	34,8*			
	Вдова(ый)	24,1			
	Никогда не был женат / замужем	63,2*			
Образование	Среднее общее и ниже	54*	71,5*	32,6	11
	Среднее профессиональное/специальное	34,3	53,5	30,9	17,7
	Высшее образование	40*	48,2	38,7*	28,3*
Занятость	Экономически неактивное население	43,2*	77,1*	28	16,4
	Занят	38,3	49,1	35	24,1*
	Не занят	50,2*	65,1*	35,8	

Источник: Данные опроса.

Примечание: * – есть значимые различия между группами на уровне значимости $p < 0,05$.

Данные показывают обратную связь между возрастом и желанием уехать: чем выше возраст, тем ниже доля желающих уехать, такая зависимость была ожидаемой (Hadler 2006). Доля желающих уехать в 15-25 лет в целом по выборке составляет 72,3%, что значительно больше доли желающих уехать в любой другой возрастной группе. В возрасте 25-34 года покинуть текущее место жительства хотят уже меньше половины опрошенного населения (45,2%), и это также значительно больше значений в старших возрастных группах.

Поскольку, с одной стороны, мы выявили ожидаемые значительные различия в миграционных намерениях между возрастными группами, а с другой стороны, возраст сам по себе может служить медиатором для того или иного социально-экономического статуса (например, сложно ожидать, что в группе респондентов 15-19 лет будет значительная доля занятых и женатых), некоторые выявленные различия между группами могут определяться в том числе возрастом респондентов, в них попадающих. Поэтому мы также проверили различия в доле желающих переехать между категориями характеристик для возрастных групп: не старше 34, 35-54 года, 55 лет и старше. Такие широкие возрастные группы были выбраны для обеспечения наполняемости групп и возможности проверки статистическими критериями. В тех же целях брачный статус респондентов объединен в две группы: состоящие в браке (в том числе незарегистрированном) и не состоящие.

Женщины чаще выражали желание переехать, чем мужчины (43,6% против 38,9%), что не совпадает с предыдущими зарубежными исследованиями (Fassmann, Hintermann 1998). Однако при контроле возраста получилось, что значимые различия между полами в пользу женщин сохраняются только в возрастных группах старше 35 лет. В молодых возрастах миграционные намерения одинаковы и наблюдаются у 56,9% женщин и 60% мужчин.

Значимо чаще имеют миграционные намерения респонденты, состоящие в незарегистрированном браке (46,5%) и никогда не состоявшие в браке (63,2%), что объясняется их молодым возрастом. Одновременно наименьшая доля желающих переехать наблюдается среди вдовых респондентов. Не состоящие в браке респонденты в самой молодой группе сообщали о желании переехать в 67,1% случаев, что все еще существенно выше аналогичной доли среди состоящих в браке (43,2%). Подобные различия отмечены и в самой старшей группе респондентов: среди лиц 55 лет и старше, не состоящих в браке, желают переехать менее четверти, в то время как замужние или женатые хотят переехать в 18,3% случаев. Для возрастной группы 35-54 года брачный статус не определяет разницу в долях желающих уехать.

Респонденты со средним общим образованием и ниже имеют миграционные намерения в более чем половине случаев (54%) – и это значимо больше, чем в других образовательных группах. Среди лиц с высшим образованием выразили желание переехать 40% опрошенных, что также больше 34,3% желающих переехать со средним профессиональным образованием. При контроле на возраст опрошенные со средним общим образованием и ниже в возрастной группе до 34 лет все еще имеют миграционные намерения значимо чаще других образовательных групп (71,5% против 53,5% со средним профессиональным и 48,2% высшим образованием). Возможно, это связано с тем, что выделенная нами возрастная группа достаточно широкая и включает в том числе учащиеся и выпускников школ, а также текущих студентов учреждений среднего и высшего профессионального образования (СПО/ВПО), не успевших завершить обучение. Такие группы традиционно имеют более высокие миграционные намерения. А вот в возрастах 35-54 лет и 55 лет и старше респонденты с высшим образованием выражали желание переехать чаще остальных.

Желание переехать выразила половина незанятых опрошенных, среди экономически неактивного населения эта доля составляет 43,2%, а среди занятого – 38,3% (что значимо меньше остальных групп). В возрастной группе до 34 лет наиболее высокая доля желающих переехать отмечена среди экономически неактивного населения (опять же, туда попадают студенты очных отделений), она значимо выше, чем среди занятых и не занятых. При этом доля желающих переехать среди занятых (49,1%) существенно ниже, чем среди незанятых (65,1%). В средних возрастах не выявлено статистически значимых различий между группами, а в старшей возрастной группе наблюдаемая связь переворачивается: теперь практически четверть занятых имеет миграционные намерения, а среди экономически неактивного населения такая доля равна лишь 16,4%.

И хотя наши описательные результаты во многом соотносятся с предыдущими исследованиями (Aslan et al. 2021), для анализа влияния индивидуальных факторов на миграционные намерения при контроле других переменных необходимо провести регрессионный анализ.

Макрофакторы миграционных намерений: описательные статистики

Для целей анализа факторы, влияющие на наличие или отсутствие миграционных намерений, были опосредованы через переменные, связанные с характеристиками населённых пунктов (таблица 2). В силу ограниченного размера исследуемой совокупности (не более 24 населенных пунктов (наблюдений) на каждую переменную) уровень доверительной вероятности для оценки значимости был снижен до 90%, значимыми считаются коэффициенты, для которых уровень значимости составляет не более 0,1. Для категориальных переменных было выполнено сравнение средних долей жителей, имеющих миграционные намерения внутри групп населенных пунктов (НП), по категориям с помощью t-критерия Стьюдента.

Таблица 2. Описательные статистики макрофакторов (характеристик населённых пунктов) и их связь с миграционными намерениями

Переменная	Источник данных	Коэффициент корреляции с зависимой переменной	Категория	Доля желающих уехать (среднее по категории), %	Коэффициент вариации, %
Характеристики динамики и численности населения					
Численность населения на 01.10.2021, чел.	ВПН-2020	0,138	—	—	134,4
Категория города по численности населения	ВПН-2020	—	до 50 тыс. чел.	40,40	—
			50-100 тыс. чел.	46,86	
			от 100 тыс. чел.	42,10	
Прирост населения за 1989-2021 гг., %	ВПН-1989, ВПН-2020	-0,017	—	—	245,4
Среднегодовое сальдо миграции за 2017–2021 гг., ‰	БДПМО	-0,154	—	—	207,1
Доля неместных уроженцев, %	Опрос	-0,406 **	—	—	21,5
Доля респондентов, члены домохозяйств которых работают вахтовым методом, %	Опрос	0,352 *	—	—	36,8
Центр-периферийные факторы					
Является ли НП центром субъекта Федерации?	—	—	да	40,15	—
			нет	42,97	
Расстояние до регионального центра по автодорогам ***, км	Яндекс Карты (yandex.ru/maps)	0,428 **	—	—	98,4

Переменная	Источник данных	Коэффициент корреляции с зависимой переменной	Категория	Доля желающих уехать (среднее по категории), %	Коэффициент вариации, %
Географические и природные факторы					
Географический район			Европейская Россия	44,58 **	
	—	—	Сибирь	29,80	—
			Дальний Восток	47,99 **	
Зона климатической комфортности	(Виноградова 2021)	—	благоприятная	42,46	
			неблагоприятная	42,51	—
Средняя температура января, °С	Погода и Климат (pogodaiklimat.ru)	-0,158	—	—	32,4
Годовая амплитуда температур, °С	Погода и Климат (pogodaiklimat.ru)	0,100	—	—	13,1
Экономические факторы					
Статус моногорода	РП РФ от 29.07.2014 №1398-р	—	есть	40,87	—
			нет	43,31	—
Сектор экономической специализации	БДПМО, СПАРК	—	первичный и вторичный	43,20	—
			третичный	41,30	
Среднемесячная заработная плата работников организаций в 2021 г., ₽	БДПМО	-0,005	—	—	49,0
Отношение среднемесячной заработной платы работников организаций к региональному прожиточному минимуму в 2021 г.	БДПМО, Росстат	-0,065	—	—	30,0
Инфраструктурные факторы					
Отношение КЦП учреждений СПО и ВПО к численности населения в возрасте 15–19 лет	БДПМО, данные сайтов учреждений СПО и ВПО	0,050	—	—	51,9
Отношение КЦП учреждений СПО к численности населения в возрасте 15–19 лет	БДПМО, данные сайтов учреждений СПО и ВПО	0,032	—	—	52,9
Отношение КЦП учреждений ВПО к численности населения в возрасте 15–19 лет	БДПМО, данные сайтов учреждений СПО и ВПО	0,048	—	—	141,5
Индекс качества городской среды	индекс-городов.рф	-0,330	—	—	14,2

Источник: Расчеты авторов.

Примечание: * – p -value < 0,1; ** – p -value < 0,05; *** – для Воркуты по воздушной прямой. ВПН-1989 – Всероссийская перепись населения 1989; ВПН-2020 – Всероссийская перепись населения 2020; БДПМО – База данных показателей муниципальных образований; ПП РФ – Постановление Правительства Российской Федерации; РП РФ – Распоряжение Правительства Российской Федерации; СПО – среднее профессиональное образование; ВПО – высшее профессиональное образование; КЦП – контрольные цифры приема.

В исследование не были включены некоторые факторы или даже группы факторов, ранее выделенные в обзоре выше. В первую очередь это связано с ограничениями данных: доступная статистика не содержит многих показателей и не позволяет, например, оценить величину валового продукта в разрезе муниципальных образований. Нам пришлось отказаться и от показателей, характеризующих состояние системы здравоохранения: в БДПМО Росстата они доступны только до 2013 г. и не отражают современную ситуацию.

Другие факторы мы сочли нерелевантными для целей исследования. Так, экологическая ситуация в подавляющем большинстве обследованных НП не носит кризисного характера (значимым исключением можно назвать город Сибай), к тому же оценить степень «кризисности» проблематично из-за скудости данных на муниципальном уровне. Региональные показатели (т. е. характеризующие регион в целом) не вполне применимы к населённым пунктам России — социально-экономические различия внутри регионов зачастую сильнее, чем между регионами (Чистяков и др. 2020), поэтому региональные индикаторы могут слабо соотноситься с ситуацией в конкретном городе.

Характеристики динамики и численности населения описывают размер населённого пункта и особенности миграционной ситуации в последние годы. По нашему предположению, людность населённого пункта (переменные «Численность населения...» и «Категория города...») находится в отрицательной связи с распространённостью желания переехать: чем больше город, тем (при прочих равных) более диверсифицирован рынок труда, выше разнообразие социальной инфраструктуры (в том числе объектов здравоохранения и образования) и предоставляемых услуг, что делает населённый пункт более привлекательным для проживания.

Отрицательная связь с зависимой переменной предполагается и для переменных, отражающих динамику численности населения и миграционного прироста: если населённый пункт имеет положительное сальдо миграции и притягивает население окружающих территорий, можно ожидать, что его миграционная привлекательность распространяется и на жителей этого НП (хотя эта гипотеза может не оправдываться в населённых пунктах с «промывным», транзитным режимом миграции). При этом динамика численности населения обследованных территорий находится в тесной положительной связи с миграционным балансом, так как у большинства из них отмечается естественная убыль, и разница в величине прироста населения в основном объясняется различиями в миграционной ситуации.

Последнюю также характеризует доля неместных уроженцев, т. е. лиц, родившихся за пределами данного НП и впоследствии переехавших сюда. Высокая доля неместных уроженцев указывает на то, что населённый пункт обладает миграционной привлекательностью или обладал ею в прошлом, поэтому для неё также ожидается отрицательная связь с долей желающих уехать. Напротив, для доли жителей, домохозяйства которых вовлечены в вахтовые поездки, ожидается положительная связь: во-первых, распространённость вахты сигнализирует о недостатке предложения на рынке вакансий в населённом пункте проживания и (или) о сравнительно невысоком уровне заработной платы; во-вторых, сам по себе опыт вахты может служить выталкивающим фактором миграционных намерений, поскольку знакомит потенциального мигранта с возможным местом переезда, где у него уже имеются опыт проживания и возможные социальные связи (Мкртчян, Флоринская 2019).

Согласно результатам корреляционного анализа, значимая статистическая связь с долей желающих уехать обнаружена только для процента неместных уроженцев и жителей, семьи которых вовлечены в вахтовые поездки. Обе выдвинутые гипотезы подтверждаются, однако абсолютные значения коэффициентов корреляции сравнительно невелики (около 0,4). Связь желаний уехать с численностью, приростом населения и сальдо миграции не выявлена.

Для показателей численности и динамики населения характерны высокие значения коэффициента вариации (более 100%). Изучаемые населённые пункты резко различаются как по размеру (от 5,9 тыс. чел. в Новохопёрске до 438 тыс. в Улан-Удэ), так и по приросту населения: в 1989-2021 гг. людность Салехарда выросла на 48%, а Холмска и Воркуты снизилась более чем на 50%. Структурные показатели, полученные по результатам опроса, более гомогенны.

К группе **центр-периферийных факторов** относятся переменные, связанные с особенностями статуса населённого пункта и доступа его жителей к услугам центрального места. Первая переменная этой группы дихотомическая: принимает значение 1, если населённый пункт является центром субъекта Федерации. Таких в выборке четыре: Абакан, Салехард, Улан-Удэ и Южно-Сахалинск. Статус регионального центра сопряжён с наличием расширенного спектра благ и услуг (административных, социальных и прочих) и способствует миграционной привлекательности города, поэтому для столичных городов ожидается пониженная доля желающих уехать (Карачурина, Мкртчян 2023). Для городов нестоличных имеет значение расстояние до регионального центра: чем оно больше, тем ниже доступность сосредоточенных в столице благ и выраженнее периферийность населённого пункта, поэтому для более удалённых пунктов ожидается большая выраженность намерения уехать (Karachurina, Mkrtyan 2015). Эта величина отличается высоким коэффициентом вариации (98,4%): для исследованных региональных центров она равна нулю, а для Ногликов и Воркуты превышает 500 км.

Среднее значение зависимой переменной для столичных городов действительно ниже, чем для нестоличных (40,2% против 43,0%), однако это различие не является статистически значимым, вероятно, из-за недостаточного размера выборки. Гипотеза о связи миграционных намерений с расстоянием до регионального центра подтверждается, хотя связь и невысокая: между двумя переменными обнаруживается статистически значимая ($p < 0,05$) связь с коэффициентом корреляции $r = 0,428$.

Географические и природные факторы связаны с макрогеографическим положением населённого пункта, в особенности с точки зрения комфортности климатических условий. В соответствии с описанным в литературе феноменом «западного дрейфа» ожидается, что миграционные намерения у жителей Сибири и Дальнего Востока выражены сильнее, чем в Европейской России. Природно-климатические условия также могут служить фактором миграционного выбора: чем они экстремальнее, тем с большей вероятностью жители населённого пункта будут проявлять желание переехать в более климатически комфортное место (Scott 2010; Мкртчян, Флоринская 2020). Характеристики климата опосредованы через несколько переменных: зона климатической комфортности по классификации В.В. Виноградовой (2021)¹; средняя температура января (чем она ниже,

---

¹ Выделенные автором зоны для целей нашего исследования объединены в группы «благоприятных» и «неблагоприятных».

тем ниже комфортность климата); годовая амплитуда температур воздуха (чем она выше, тем ниже комфортность климата).

Корреляционный анализ не выявил наличия значимых статистических связей, соответствующих выдвинутым гипотезам. Доля желающих уехать в НП с благоприятными и неблагоприятными условиями климата практически не различается (42,46 и 42,51% соответственно). Неожиданным образом в Сибири среднее значение зависимой переменной оказалось значительно ниже, чем на Дальнем Востоке и в Европейской России (29,8; 48,0 и 44,6% соответственно) – предположительно, это связано с нерепрезентативностью выборки, из-за которой среднее значение для всей нашей выборки в Сибири определяется Салехардом и четырьмя населёнными пунктами в Республике Хакасия, где характерна очень низкая выраженность миграционных намерений. Корреляции доли желающих уехать с температурой января и годовой амплитудой соответствуют нашим предположениям, но очень слабы и статистически незначимы. При этом для годовой амплитуды температур характерна довольно слабая вариация (всего 13,1% – минимум среди исследованных переменных), для средней температуры января она выражена сильнее (32,4%).

Экономические факторы характеризуют общий уровень социально-экономического развития и устойчивость экономики населённого пункта. Так, статус моногорода указывает на повышенную восприимчивость городской экономики к отраслевым кризисам и ограниченность спроса на рынке труда, поэтому для моногородов ожидается повышенная доля желающих уехать (Зубаревич 2017). Однако связь моноспециализации города с миграционными намерениями населения может быть и более сложной: в отдельных моногородах благоприятная экономическая ситуация, связанная с градообразующим предприятием локальная идентичность и иные факторы могут препятствовать возникновению миграционных намерений (Недосека, Жигунова 2019). Для населённых пунктов, где большая часть населения занята в первичном и вторичном секторах (добывающие отрасли, энергетика, обрабатывающая промышленность), предполагается пониженное значение зависимой переменной по сравнению с НП, специализированными в сфере услуг (в том числе с промышленно неразвитыми НП без фактической специализации, где наибольшая доля занятых – в сферах образования и здравоохранения).

Наконец, важным фактором миграционных намерений является уровень дохода, опосредованный в нашем исследовании через среднемесячную заработную плату и ее отношение к региональному прожиточному минимуму. Обследованные города заметно различаются по уровню заработных плат (коэффициент вариации составляет 49%), но при делении на прожиточный минимум эта разница несколько сглаживается (коэффициент снижается до 30%).

Впрочем, корреляционной зависимости между уровнем зарплаты и миграционными намерениями не выявлено, как и между отношением зарплаты к прожиточному минимуму. В обследованных моногородах, вопреки нашей гипотезе, доля желающих уехать ниже, чем в остальных населённых пунктах (40,9% против 43,3%), хотя различия между группами незначимы. В городах с промышленной специализацией доля желающих уехать, опять же вопреки ожиданиям, оказалась немного выше, чем в неиндустриальных населённых пунктах (43,2% против 41,3%).

К **инфраструктурным факторам** в широком смысле были отнесены переменные, связанные с образованием и благоустройством. Уровень образования (предположительно, чем он выше, тем выше мобильность населения) выражен через долю молодёжи, получающей среднее и высшее образование в своём НП; этот показатель мы приблизительно оценили через отношение контрольных цифр приёма (КЦП) учреждений среднего и высшего профессионального образования (СПО, ВПО) к общей численности населения в возрасте 15-19 лет. Для них характерны высокие коэффициенты вариации; при этом различия в доле студентов учреждений СПО выражены слабее ($k = 52,9\%$), чем в доле студентов учреждений ВПО ($k = 141,5\%$), которые есть далеко не во всех обследованных НП. Ни по отдельности, ни в сумме полученные отношения не показали статистической связи с долей желающих уехать из своего населённого пункта. Так, одним из лидеров по распространённости миграционных намерений у молодёжи среди обследованных НП стал Сибай (85% респондентов в возрасте от 15 до 19 лет выразили желание уехать из города), а антилидером – Салехард (о наличии миграционных намерений заявили только 59% представителей той же когорты), однако доли получающих там среднее профессиональное образование почти не отличаются (37,4 и 35,0% соответственно).

Индикатором уровня благоустройства послужил Индекс качества городской среды², ежегодно формируемый Минстроем России для всех городов страны³. Он находится в отрицательной, но статистически незначимой связи с долей желающих уехать ($r = -0,330$): чем выше уровень благоустройства, тем больше город привлекателен для жизни. Для значений индекса характерен сравнительно невысокий коэффициент вариации (14,2%), поскольку в силу методики расчёта этот показатель практически не может приблизиться к крайним значениям (0 и 360) и слабо отличается от города к городу.

Подводя итоги корреляционного анализа, нельзя не указать на проблему использования этого метода, связанную с крайне ограниченным количеством наблюдений. Некоторые возможные последствия небольшого размера выборки НП, к тому же нерепрезентативной для территории Российской Федерации в целом по многим параметрам, заметны даже по начальному анализу. Это может приводить как к «ложноположительным» результатам (статистические зависимости, не соответствующие реальной картине), так и к «ложноотрицательным» (невывявление реально существующих зависимостей либо недооценка их статистической значимости).

Макро- и микрофакторы миграционных намерений: результаты регрессионных моделей

Для оценки влияния факторов разного уровня на наличие и отсутствие миграционных намерений мы использовали бинарную логистическую регрессию, анализ проводился в статистическом пакете STATA. Зависимая переменная принимает значение 1 в случае наличия намерений переехать из текущего населённого пункта и 0 в обратном случае.

---

² Распоряжение Правительства РФ от 23.03.2019 № 510-р «Об утверждении методики формирования индекса качества городской среды» (с изм. на 20.09.2023).

<http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201903260005>

³ По этой причине из списка наблюдений пришлось исключить посёлок городского типа (пгт) Ноглики и село Шира.

Было построено несколько спецификаций модели (таблица 3).

Таблица 3. Результаты логистической регрессии, отношение шансов

Группа переменных	Переменная	Модель 1	Модель 2	Модель 3
	Константа	3,700 *** (0,681)	34,436 *** (11,947)	30,265 *** (10,432)
	Возраст	0,952 *** (0,002)	0,952 *** (0,002)	0,953 *** (0,002)
Индивидуальные социально-демографические характеристики	Пол (реф. = мужчина)	1,325 *** (0,079)	1,303 *** (0,087)	1,300 *** (0,086)
	Состоит в браке (в т.ч. незарегистрированном), (реф. = не состоит)	0,705 *** (0,044)	0,716 *** (0,051)	0,713 *** (0,05)
	Высшее образование (реф. = без высшего образования)	1,196 ** (0,075)	1,272 *** (0,089)	1,285 *** (0,09)
Занятость (реф. = «не занят»)	Экономически неактивное население	0,978 (0,149)	0,970 (0,164)	0,963 (0,163)
	Занят	0,757 ** (0,107)	0,727 ** (0,115)	0,725 ** (0,114)
Людность населенного пункта проживания (реф. = города с численностью населения свыше 100 тыс. человек)	Проживает в среднем городе	1,321 *** (0,115)		
	Проживает в малом городе	1,059 (0,086)		
Характеристики населенного пункта проживания	Депопуляция с 1989 г. больше 10%		0,595 *** (0,055)	0,603 *** (0,057)
	Доля неместных уроженцев		0,985 *** (0,005)	0,991 * (0,004)
	Расстояние до регионального центра		1,002 *** (0,0002)	1,002 *** (0,0002)
	Благоприятный климат (реф. = неблагоприятный климат)		1,234 ** (0,117)	1,069 (0,093)
	Отношение КЦП в организациях СПО к численности населения в 15-19 лет		0,360** (0,139)	0,360 ** (0,144)
	Индекс качества городской среды		0,991 *** (0,002)	0,994 *** (0,002)
	Отношение средней зарплаты к региональному прожиточному минимуму		1,129 *** (0,040)	
	Занятость в первичном и вторичном секторах (реф. = занятость в третичном секторе)			0,886 * (0,065)
Характеристики модели	Число наблюдений	5557	4586	4586
	Доля правильно предсказанных, %	67,64	69,08	68,95
	R2	0,1	0,13	0,13

Источник: Расчеты авторов.

Примечание: * – $p < 0,1$, ** – $p < 0,05$, *** – $p < 0,01$.

Первая модель включает индивидуальные социально-демографические характеристики (возраст, пол, состояние в браке, наличие высшего образования, наличие занятости) и традиционную для исследований группировку населенных пунктов проживания по людности (малые города численностью населения до 50 тыс., средние – от 50 до 100 тысяч, большие и крупные объединены в одну группу с численностью

населения от 100 тыс. человек, они являются референтной группой в модели). Отдельно показатель людности населенного пункта не включен в модель из-за сложностей интерпретации и мультиколлинеарности.

Во вторую и третью модель были включены конкретные характеристики населенного пункта проживания, которые могут так или иначе корреспондировать с типом населенного пункта, раскрывающие характеристики динамики и численности населения, центр-периферийные, географические, природные, экономические и инфраструктурные факторы. Все модели статистически значимы и проверены на мультиколлинеарность.

В качестве характеристики динамики и численности населения для простоты интерпретации в модели использована бинарная переменная, принимающая значение 1, если НП с 1989 по 2021 г. потерял больше 10% населения, и 0, если меньше, а также доля неместных уроженцев, полученная из анкетного опроса. В модель не попала переменная сальдо миграции за 2017–2021 гг., которая практически дублирует по результатам переменную депопуляции за 1989–2021 гг. Отъезд членов домохозяйства на работу вахтовым методом включался в модель как индивидуальная переменная (она оказалась незначимой).

В качестве центр-периферийного фактора в моделях использовали расстояние до регионального центра (переменная принимает значение 0, если точка опроса сама является региональным центром). В качестве географического и природного фактора для модели выбрана бинарная переменная зоны климатической комфортности, поскольку принадлежность к Крайнему Северу создает мультиколлинеарность с показателями средней заработной платы, а использование географических районов не оптимально из-за неодинаковой наполненности групп.

Среди инфраструктурных факторов использовали отношение контрольных цифр приема (КЦП) в организациях СПО к численности населения в 15-19 лет и индекс качества городской среды. Учреждения высшего образования в большинстве своем в выборке населенных пунктов являются филиалами других учебных заведений, представлены ограниченно и с нестабильным набором абитуриентов, поэтому в расчете показателя остался набор только на программы СПО.

Среди экономических факторов в модель включали отношение средней зарплаты к региональному прожиточному минимуму и бинарную переменную основного сектора занятости в НП (принимает значение 1, если большая часть населения занята в первичном и вторичном секторах). Для каждой из этих переменных построена отдельная модель. Статус моногорода исключен из моделей, поскольку он так или иначе коррелирует с переменной основного сектора занятости, а выбор в пользу скорректированного на прожиточный минимум показателя зарплаты сделан из-за присутствия в выборке НП районов Крайнего Севера, где этот показатель выше из-за применения районных коэффициентов и надбавок. Коррекция также была необходима, поскольку разница в стоимости жизни может уменьшать выигрыш от более высокой заработной платы на таких территориях. Результаты, обнаруженные в ходе описательного этапа, наблюдаются для переменных микроуровня и в рамках регрессионных моделей при контроле других переменных. В частности, подтверждается отрицательная зависимость миграционных намерений от возраста: каждый прожитый год жизни снижает их на 5%. Женщины в 1,33 раза чаще имеют миграционные намерения, чем мужчины. Состоящие в браке и работающие респонденты гораздо реже желают переехать (на 29 и 24% соответственно)

по сравнению с одинокими и незанятыми. А вот высшее образование – фактор, повышающий шансы желать переехать (на 20% по сравнению с теми, у кого нет высшего образования).

В дальнейших спецификациях модели при добавлении характеристик населенного пункта проживания коэффициенты у индивидуальных факторов практически не менялись и оставались стабильными. Таким образом, мы можем утверждать, что характеристики населенного пункта не изменяют описанные выше взаимосвязи.

Анализ по категориальной переменной людности в модели показывает, что проживание в городах с населением от 50 до 100 тыс. человек повышает шансы иметь миграционные намерения в 1,32 раза по сравнению с проживанием в городах с населением более 100 тыс. При этом малые и крупные города не имеют значимых различий по вероятности наличия миграционных намерений. Крупные города могут иметь меньшую долю желающих переехать, поскольку они находятся ближе к верхушке административно-территориальной иерархии населенных пунктов и, собственно, являются локальными притягивающими точками. Для удержания населения в малых городах, по всей видимости, работают другие механизмы: именно эта группа городов достаточно давно и постоянно испытывает миграционный отток (Зайончковская и др. 2016), значительную долю миграционно активного населения из них уже «вымыло». Кроме того, можно предполагать, что именно в них играет важную роль более низкая мобильность, связанная в том числе с более низкими доходами населения (Andrienko, Guriev 2004).

Модели с включенными характеристиками населенных пунктов проживания показали следующую связь с миграционными намерениями: снижают шансы иметь миграционные намерения депопуляция с 1989 г. (на 40-41% в обоих моделях), высокая доля неместных уроженцев (увеличение доли неместных уроженцев на 1% снижает шансы иметь намерение переехать на 1-1,5%). То есть населенные пункты, долгое время депопулирующие, уже потеряли значительную долю потенциальных мигрантов, а доля неместных уроженцев, наоборот, свидетельствует о привлекательности населенного пункта для приезжего населения.

Фактор периферийности показал достаточно ожидаемые и стабильные в обеих моделях результаты: каждый километр удаления от регионального центра повышает шансы желать переехать на 0,2%. Климатический фактор не показал стабильности в моделях: при включении в модель показателя заработной платы он значим (и благоприятный климат повышает вероятность иметь миграционные намерения на 23%), а при включении основного сектора занятости – нет. Возможно, такие результаты связаны с тем, что обе климатические группы не гомогенны внутри себя и включают населенные пункты как с благоприятной экономической ситуацией (не всегда характеризуемой доступными нам показателями) и низкой долей желающих переехать, так и наоборот.

Инфраструктурные факторы показали следующую взаимосвязь: и отношение КЦП в организациях СПО к численности населения в 15-19 лет, и индекс качества городской среды в обоих моделях стабильны и ожидаемо отрицательно связаны с намерениями переехать. Повышение доли возможных студентов в численности населения 15-19 лет на 1 п.п. снижает вероятность иметь миграционные намерения на 64%. Это может быть связано не только с тем, что «укореняет» местную молодёжь и привлекает абитуриентов из других районов, но и с тем, что такие населенные пункты выполняют и другие функции локальных

центров. Каждый дополнительный балл в индексе качества городской среды снижает миграционные намерения на 1%.

Включение экономических факторов в модель дает следующее: чем больше средняя заработная плата в НП превышает прожиточный минимум, тем выше шансы иметь миграционные намерения. Эта связь, с одной стороны, опровергает гипотезу об отрицательной связи экономического благосостояния и миграционных намерений, с другой – подтверждает существование «ловушек бедности» на индивидуальном уровне (хотя этот вывод мы делаем с некоторой осторожностью, поскольку оперируем средними доходами, а не доходами конкретных людей), когда низкие доходы не позволяют финансировать переезды. Исследования потоков миграции на региональном уровне и ранее говорили о подобной связи (Andrienko, Guriev 2004), хотя по результатам более поздних исследований «ловушки бедности» в России исчезли (Guriev, Vakulenko 2015).

Наши ожидания того, что специализация населенных пунктов на добывающей и обрабатывающей промышленности будет вести к понижению миграционных намерений, подтвердились: шансы желать переехать из таких населенных пунктов на 14% ниже.

Заключение и дискуссия

В рамках данной статьи предпринята попытка проанализировать факторы, которые определяют наличие миграционных намерений жителей отдельных городов России. Сами по себе миграционные намерения населения разных возрастов (а не только молодежи), проживающих в разных регионах России, изучаются сложно и потому нечасто. В данном случае предпринята попытка сделать это не дескриптивно, а через объединение факторов миграционных намерений индивидуального уровня и характеристик населенных пунктов, в которых они проживают.

При контроле переменных, характеризующих населённый пункт (переменные макроуровня), индивидуальные различия в миграционных намерениях не изменяются. Как показано и в предыдущих исследованиях (Hadler 2006; Smith, Floro 2020), шансы иметь миграционные намерения выше у молодых, чем у людей более старших возрастов; без партнера/супруга (Abdelwahed, Goujon, Jiang 2020); не занятых и экономически неактивных по сравнению с теми, кто имеет занятость, и с высшим образованием по сравнению с теми, у кого его нет (Epstein, Gang 2006).

Наши результаты относительно более высоких миграционных намерений у женщин по сравнению с мужчинами не совпадают с результатами других зарубежных работ (Aslanly et al. 2021). Это может быть вызвано тем, что многие из этих работ посвящены международной миграции, тогда как большинство наших респондентов чаще задумываются о миграции внутрироссийской. Кроме того, в исследованиях часто речь идет о миграции из сообществ с более традиционным разделением гендерных норм, чем в России, когда подразумевается, что мужчина должен уехать на заработки, а женщина – остаться дома и заниматься семейными делами (Smith, Floro 2020). Предыдущие исследования миграционных намерений в России также приходили к выводу, что женщины чаще имеют миграционные намерения (Bednařiková, Vavogova, Ponkina 2016), это же относится и к фактической миграции (Герасимов 2022). Можно также предположить, что более высокие намерения у женщин связаны с отсутствием на рынке труда предложений для их трудоустройства в населенных пунктах с промышленной специализацией (Bjarnason, Thorlindsson 2006), однако при контроле этой переменной

результаты в наших моделях не меняются. При этом в российском контексте для мужчин при экономических мотивах миграции могут быть более доступными и чаще выбираются альтернативные формы мобильности: маятниковая миграция или занятость вахтовым методом.

Более молодой возраст, отсутствие работы, наличие высшего образования ожидаемо являются выталкивающими факторами (Berlinschi, Harutyunyan 2019). Поскольку в России в целом низкая безработица, она не успевает стать барьером, лишаящим население средств к миграции, или она может быть не причиной наличия миграционных намерений, а их следствием: человек имеет конкретный план переезда в другой город и в момент опроса ищет там работу. Высшее образование позволяет легче преодолеть институциональные барьеры при миграции (Berlinschi, Harutyunyan 2019), а также все еще дает значительный «бонус» к заработной плате на российском рынке труда (Капелюшников 2021), что может обеспечивать «выгодность» желаемой миграции.

Среди макрофакторов неожиданно снижают шансы иметь миграционные намерения продолжительная депопуляция и малый размер города. Представляется, что это свидетельствует о том, что такие населенные пункты уже потеряли свой миграционный потенциал. При этом в городах с населением от 50 до 100 тыс. человек шансы иметь миграционные намерения выше не только на фоне малых, но и по сравнению с крупными городами (локальные центры притяжения мигрантов).

Также результаты регрессии противоречат нашей гипотезе о том, что жители населенных пунктов с более высокими средними доходами будут реже иметь миграционные намерения: чем больше средняя зарплата в населенном пункте превышает прожиточный минимум, тем выше шансы иметь миграционные намерения. По-видимому, лучшее экономическое положение в населенном пункте создает возможности и среду, стимулирующие к миграции.

Инфраструктурные факторы (более низкая обеспеченность СПО, худшие характеристики городской среды), а также периферийность географического положения населенного пункта повышают шансы иметь миграционные намерения, что соотносится с результатами, полученными в других исследованиях. Связь удаленности от центра и миграционных намерений совпадает с фактическими миграционными трендами: предыдущие исследования показывают, что максимальный отток населения наблюдается на наиболее удаленных от региональных центров территориях (Karachurina, Mkrtchyan 2015), более широкие возможности получения среднего профессионального образования позволяют скорее удерживать молодое население (Веселкова, Вандышев, Прямикова 2021). Проживание в населенных пунктах со специализацией в добывающей и обрабатывающей промышленности, напротив, сопряжено с более низкими миграционными намерениями, это связывается с более узкой профессиональной специализацией и наличием у жителей компетенций, которые востребованы в рамках данного рынка труда, что осложняет смену места жительства.

Некоторым ограничением работы является использование данных неслучайной стихийной выборки, при этом проведенная оценка качества на основе сравнения статистических данных по образовательной, брачной структурам населения показывает, что в рамках собранной выборки удалось воспроизвести не только половозрастную структуру (заложенную в выборку), но и получить приемлемые отклонения от брачной и образовательной.

Литература

- Андреев Е.М., Чурилова Е.В. (2023). Результаты Всероссийской переписи населения 2021 года в свете статистики текущего учета населения и переписей предыдущих лет. *Демографическое обозрение*, 10(3), 4-20. <https://doi.org/10.17323/demreview.v10i3.17967>
- Варшавская Е.Я., Чудиновских О.С. (2014). Миграционные планы выпускников региональных вузов России. *Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика*, 3, 36-58.
- Веселкова Н., Вандышев М., Прямикова Е. (2021). Профессиональное образование в моногородах: производство мобильности. *Вопросы образования*, 3, 8-32. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2021-3-8-32>
- Виноградова В.В. (2021). Районирование России по природным условиям жизни населения с учетом экстремальных климатических событий. *Известия Российской академии наук. Серия географическая*, 85(1), 5-13. <https://doi.org/10.31857/S2587556621010167>
- ВЦИОМ. (2021). Охота к перемене мест: зачем и почему? <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/okhota-k-peremene-mest-zachem-i-pochemu-1>
- Герасимов А.А. (2022). Соотношение полов во внутрирегиональной миграции в России: пространственная и возрастная дифференциация. *Демографическое обозрение*, 9(1), 92-108. <https://doi.org/10.17323/demreview.v9i1.14575>
- Зайончковская Ж.А., Карачурина Л.Б., Мкртчян Н.В., Флоринская Ю. Ф., Доронина К. А. (2016). Миграция населения. В С.В. Захаров (Ред.) *Население России 2014. Двадцать второй ежегодный демографический доклад*. (с. 288-332). Москва: Изд. дом Высшей школы экономики. https://www.demoscope.ru/weekly/knigi/ns_r14/acrobat/glava6.pdf
- Зубаревич Н.В. (2017). Трансформация рынков труда российских моногородов. *Вестник Московского университета. Серия 5. География*, 4, 38-44. <https://vestnik5.geogr.msu.ru/jour/article/view/334>
- Иванова Е.И. (2017). Миграционные намерения современных поколений россиян: новая волна миграции. *Проблемы прогнозирования*, 3, 106-118. <https://ecfor.ru/publication/10-migratsionnye-namereniya-rossiyan/>
- Капелюшников Р.И. (2021). Отдача от образования в России: ниже некуда. *Вопросы экономики*, 8, 37-68. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2021-8-37-68>
- Карачурина Л.Б., Мкртчян Н.В. (2023). Динамика населения крупных городов, их пригородов и периферии в России за межпереписной период 2011–2021 гг. *Журнал Новой экономической ассоциации*, 4(61), 93–109. https://doi.org/10.31737/22212264_2023_4_93-109
- Карачурина Л.Б., Флоринская Ю.Ф. (2019). Миграционные намерения выпускников школ малых и средних городов России. *Вестник Московского университета. Серия 5: География*, 6, 82-89. <https://vestnik5.geogr.msu.ru/jour/article/view/597>
- Кутюва С.В. (2014). Миграционные настроения населения Еврейской автономной области. *Социологические исследования*, 6, 134-136. <https://www.socis.isras.ru/article/5702>

- Макарова Г.И. (2023). Отношение к городу и миграционные установки жителей нестоличных промышленных городов Татарстана. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 26(2), 197–230. <https://doi.org/10.31119/jssa.2023.26.2.9>
- Мкртчян Н.В. (2024). Стягивание населения России в крупные города и их пригороды. *Журнал Новой экономической ассоциации*, 2(63), 241-248. https://doi.org/10.31737/22212264_2024_2_241-248
- Мкртчян Н.В., Флоринская Ю.Ф. (2020). Почему люди уезжают из одних регионов и приезжают в другие: мотивы межрегиональной миграции в России. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, 5(159), 130-153. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.5.1619>
- Мкртчян Н.В., Флоринская, Ю.Ф. (2019). Жители малых и средних городов России: трудовая миграция как альтернатива безвозвратному отъезду. *Журнал Новой экономической ассоциации*, (3), 78-94. <https://doi.org/10.31737/2221-2264-2019-43-3-4>
- Недосека Е.В., Жигунова Г.В. (2019). Особенности локальной идентичности жителей моногородов (на примере Мурманской области). *Арктика и Север*, 37, 118–133. https://www.arcticandnorth.ru/upload/iblock/ca1/07_Nedoseka_ZHigunova.pdf
- Осипова О.В., Маклашова Е.Г. (2016). Миграционные намерения молодёжи Арктики в контексте субъективных оценок социального самочувствия. *Арктика и Север*, 24, 14-26. <https://doi.org/10.17238/issn2221-2698.2016.24.14>
- Рочева А.Л., Варшавер Е.А. (2020). Миграционные намерения молодежи с миграционным бэкграундом и без: российский случай. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, 3, 295-334. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1632>
- Савоскул М.С. (2013). Реэмиграция российских немцев из Германии в Россию: факторы и масштабы явления. *Региональные исследования*, (3), 57-68.
- Скрипник Е.О. (2010). Миграционные намерения городского населения Хабаровского края. *Пространственная экономика*, 4, 42-57. <https://doi.org/10.14530/se.2010.4.042-057>
- Флоринская Ю.Ф., Рощина Т.Г. (2005). Жизненные планы выпускников школ из малых городов. *Человек*, 5, 112-119. <http://vivovoco.astronet.ru/VV/PAPERS/MEN/GORODOK.HTM>
- Чистяков П.А., Ромашина А.А., Петросян А.Н., Шевчук Е.И., Бабурин В.Л. (2020). Центры экономического роста Российской Федерации на муниципальном уровне. *Вестник Московского университета. Серия 5: География*, 4, 58–68. <https://vestnik5.geogr.msu.ru/jour/article/view/717>
- Шахова Е.В. (2020). Миграционные планы жителей Алтайского края. *Социальная интеграция и развитие этнокультур в евразийском пространстве*, 3(9), 229-233. <http://journal.asu.ru/sidec/article/view/10105>
- Abdelwahed A., Goujon A., Jiang L. (2020). The migration intentions of young Egyptians. *Sustainability*, 12(23), 9803. <https://doi.org/10.3390/su12239803>

- Abramitzky R., Boustan L.P., Eriksson K. (2013). Have the poor always been less likely to migrate? Evidence from inheritance practices during the age of mass migration. *Journal of Development Economics*, 102(1), 2-14. <https://doi.org/10.1016/j.jdeveco.2012.08.004>
- Andrienko Y., Guriev S. (2004). Determinants of interregional mobility in Russia. *Economics of transition*, 12(1), 1-27. <https://doi.org/10.1111/j.0967-0750.2004.00170.x>
- Aslany M., Carling J., Mjelva M.B., Sommerfelt T. (2021). Systematic review of determinants of migration aspirations. *Changes*, 1(18), 3911-3927. <https://www.prio.org/publications/12613>
- Baláž V., Williams A.M., Fifeková E. (2016). Migration decision making as complex choice: Eliciting decision weights under conditions of imperfect and complex information through experimental methods. *Population, Space and Place*, 22(1), 36-53. <https://doi.org/10.1002/psp.1858>
- Bednaříková Z., Bavorova M., Ponkina E.V. (2016). Migration motivation of agriculturally educated rural youth: The case of Russian Siberia. *Journal of rural studies*, 45, 99-111. <https://doi.org/10.1016/j.jrurstud.2016.03.006>
- Berlinschi R., Harutyunyan A. (2019). Do migrants think differently? Evidence from Eastern European and post-Soviet states. *International Migration Review*, 53(3), 831-868. <https://doi.org/10.1177/0197918318777745>
- Bjarnason T., Thorlindsson T. (2006). Should I stay or should I go? Migration expectations among youth in Icelandic fishing and farming communities. *Journal of rural studies*, 22(3), 290-300. <https://doi.org/10.1016/j.jrurstud.2005.09.004>.
- Buch T., Hamann S., Niebuhr A., Rossen A. (2014). What Makes Cities Attractive? The Determinants of Urban Labour Migration in Germany. *Urban Studies*, 51(9), 1960-1978. <https://doi.org/10.1177/0042098013499796>
- Cairns D. (Ed.). (2010). *Youth on the move: European youth and geographical mobility*. Springer Science & Business Media.
- Cairns D., Smyth J. (2011). I wouldn't mind moving actually: Exploring student mobility in Northern Ireland. *International Migration*, 49(2), 135-161. <https://doi.org/10.1111/j.1468-2435.2009.00533.x>
- Carling J. (2013) Who wants to go to Europe? Results from a large-scale survey on migration aspirations. *PRIO Policy Brief, 2013/4*. Oslo: Peace Research Institute Oslo (PRIO). <https://www.prio.org/publications/5854>
- Carling J., Schewel K. (2018). Revisiting aspiration and ability in international migration. *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 44(6), 945-963. <https://doi.org/10.1080/1369183X.2017.1384146>
- Chen M., Wu Y., Liu G., Wang X. (2020). City economic development, housing availability, and migrants' settlement intentions: Evidence from China. *Growth and Change*, 51(3), 1239-1258. <https://doi.org/10.1111/grow.12416>
- De Haas H. (2020). Paradoxes of migration and development. In T. Bastia, R. Skeldon (Eds.), *Routledge Handbook of Migration and Development* (pp. 17-31). Abingdon: Routledge. <https://www.migrationinstitute.org/publications/paradoxes-of-migration-and-development>

- De Longueville F., Ozer P., Gemenne F., Henry S., Mertz O., Nielsen J. Ø. (2020). Comparing climate change perceptions and meteorological data in rural West Africa to improve the understanding of household decisions to migrate. *Climatic Change*, 160, 123-141. <https://doi.org/10.1007/S10584-020-02704-7>
- Efendic A. (2016). Emigration intentions in a post-conflict environment: evidence from Bosnia and Herzegovina. *Post-Communist Economies*, 28(3), 335-352. <https://doi.org/10.1080/14631377.2016.1166800>
- Epstein G.S., Gang I.N. (2006). The influence of others on migration plans. *Review of Development Economics*, 10(4), 652–665. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9361.2006.00340.x>
- Fassmann H., Hintermann C. (1998). Potential east-west migration, demographic structure, motives and intentions. *Czech Sociological Review*, 6(1), 59–72. <https://doi.org/10.13060/00380288.1998.34.11.08>
- Feijten P., van Ham M. (2007). Residential mobility and migration of the divorced and separated. *Demographic Research*, 17, 623–654. <https://doi.org/10.4054/DemRes.2007.17.21>
- Gallup. (2008). World Poll Questions. *Gallup Poll*, 32 p.
- Geyer H.S., Kontuly T. (1993). A theoretical foundation for the concept of differential urbanization. *International Regional Science Review*, 15(2), 157-177. <https://doi.org/10.1177/016001769301500202>
- Guriev S., Vakulenko E. (2015). Breaking out of poverty traps: Internal migration and interregional convergence in Russia. *Journal of comparative economics*, 43(3), 633-649. <https://doi.org/10.1016/j.jce.2015.02.002>
- Hadler M. (2006). Intentions to Migrate Within the European Union: A Challenge for Simple Economic Macro-Level Explanations. *European Societies*, 8(1), 111-140. <https://doi.org/10.1080/14616690500491324>.
- Hsieh C.-t., Liu, B.-c. (1983). The Pursuance of Better Quality of life: In the Long Run, Better Quality of Social Life Is the Most Important Factor in Migration. *American Journal of Economics and Sociology*, 42, 431-440. <https://doi.org/10.1111/j.1536-7150.1983.tb01730.x>
- Jokela M. (2009). Personality predicts migration within and between US states. *Journal of Research in Personality*, 43(1), 79-83. <https://doi.org/10.1016/j.jrp.2008.09.005>
- Karachurina L., Mkrtychyan N. (2015): Population change in the regional centres and internal periphery of the regions in Russia, Ukraine and Belarus over the period of 1990-2000s. In Szymańska, D. and Chodkowska-Miszczuk, J. (Eds.), *Bulletin of Geography. Socio-economic Series*, 91-111. Toruń: Nicolaus Copernicus University. <https://doi.org/10.1515/bog-2015-0018>
- Kley S. (2011). Explaining the stages of migration within a life-course framework. *European sociological review*, 27(4), 469-486. <https://doi.org/10.1093/esr/jcq020>
- Lee E.S. (1966). A theory of migration. *Demography*, 3, 47-57. <https://doi.org/10.2307/2060063>
- Niedomysl T. (2011). How Migration Motives Change over Migration Distance: Evidence on Variation across Socio-economic and Demographic Groups. *Regional Studies*, 45(6), 843–855. <https://doi.org/10.1080/00343401003614266>

- OECD (2015), *Connecting with Emigrants: A Global Profile of Diasporas 2015*, OECD Publishing, Paris. <https://doi.org/10.1787/9789264239845-en>.
- Otrachshenko V., Popova O. (2014). Life (dis)satisfaction and the intention to migrate: Evidence from Central and Eastern Europe. *The Journal of Socio-Economics*, 48, 40-49. <https://doi.org/10.1016/j.socec.2013.09.008>
- Schewel K. (2015). Understanding the aspiration to stay: a case study of young adults in Senegal. *International Migration Institute Working Paper Series (Working Paper 107)*, 1–37. <https://www.migrationinstitute.org/publications/wp-107-15>
- Scott A.J. (2010). Jobs or amenities? Destination choices of migrant engineers in the USA. *Papers in Regional Science*, 89(1), 43-63. <https://doi.org/10.1111/j.1435-5957.2009.00263.x>
- Shen C., Wang Y., Zuo J., Rameezdeen R. (2023). Leave or Stay? Antecedents of high-level talent migration in the Pearl River Delta Megalopolis of China: from a perspective of regional differentials in housing prices. *Chinese Geographical Science*, 33(6), 1068-1081. <https://doi.org/10.1007/s11769-023-1360-2>
- Smith M. D., Floro, M. S. (2020). Food insecurity, gender, and international migration in low- and middle-income countries. *Food Policy*, 91(101837). <https://doi.org/10.1016/j.foodpol.2020.101837>
- Tjaden J., Auer D., Laczko F. (2019). Linking migration intentions with flows: Evidence and potential use. *International Migration*, 57(1), 36-57. <https://doi.org/10.1111/imig.12502>
- Van Mol C. (2016). Migration aspirations of European youth in times of crisis. *Journal of Youth Studies*, 19(10), 1303–1320. <https://doi.org/10.1080/13676261.2016.1166192>
- Williams A.M., Baláž V. (2014). Mobility, risk tolerance and competence to manage risks. *Journal of Risk Research*, 17(8), 1061-1088. <https://doi.org/10.1080/13669877.2013.841729>

Приложение

Таблица П1. Информация о населенных пунктах, в которых проходил опрос

Регион и год сбора данных	Населенный пункт опроса	Число опрошенных	Генеральная совокупность
Республика Башкортостан (2019)	Белорецк	294	100 356
	Сибай	348	62 391
	Учалы	285	70 371
Республика Бурятия (2019)	Гусиноозерск	190	41 725
	Кяхта	197	36 838
	Улан-Удэ	211	435 496
Воронежская область (2021)	Борисоглебск	328	58 742
	Новохоперск	290	36 624
Республика Коми (2022)	Воркута	296	68 124
	Ухта	405	95 717
Саратовская область (2021)	Балашов	285	103 157
Сахалинская область (2021)	Корсаков	164	40 322
	Ноглики	177	12 209
	Холмск	160	35 185
	Южно-Сахалинск	370	207 284
Тверская область (2023)	Удомля	418	30 006
Республика Удмуртия (2018)	Глазов	403	93 056
	Камбарка	91	16 676
	Можга	313	49 328
Республика Хакасия (2022)	Абаза	288	14 501
	Абакан	458	187 111
	Саяногорск	303	57 576
	Шира	266	24 406
Ямало-Ненецкий АО (2022)	Салехард	283	52 272
Всего		6823	1 929 473

Источник: Данные опроса. Генеральную совокупность оценивали по актуальным данным о численности населения по полу и возрасту на 1 января года проведения опроса, которые доступны в БДПМО Росстата только в разрезе районов и округов, а не отдельных населённых пунктов

Таблица П2. Сравнение образовательной и брачной структуры населения по переписи и данным опроса

Точка экспедиции	Доля лиц, имеющих высшее образование			Доля лиц, имеющих среднее профессиональное образование			Доля лиц, состоящих в браке			Доля лиц, никогда не состоявших в браке			Доля лиц, больше не состоящих в браке		
	по переписи, %	по базе, %	расхождение, п.п.	по переписи, %	по базе, %	расхождение, п.п.	по переписи, %	по базе, %	расхождение, п.п.	по переписи, %	по базе, %	расхождение, п.п.	по переписи, %	по базе, %	расхождение, п.п.
Белорецк	18,17	34,7	16,53	42,85	47,3	4,45	57,26	56,5	-0,76	17,4	25	7,6	25,34	18,4	-6,94
Сибай	19,5	30,3	10,8	41,81	45,1	3,29	54,61	50,6	-4,01	23,41	33,7	10,29	21,98	15,6	-6,38
Учалы	21,07	33,9	12,83	41,74	50,9	9,16	58,41	60,5	2,09	17	24,4	7,4	24,6	15,2	-9,4
Гусиноозерск *	22,31	41,6	19,29	45,55	41,6	-3,95	60,36	60,5	0,14	21,79	27,4	5,61	17,85	12,1	-5,75
Кяхта *	25,78	34,2	8,42	42,99	44,9	1,91	62,84	54,8	-8,04	25,93	34,5	8,57	11,24	10,6	-0,64
Улан-Удэ	41,23	57,8	16,57	33	29,4	-3,6	57,74	54,5	-3,24	27,05	37,4	10,35	15,21	8,1	-7,11
Борисоглебск *	24,42	37,3	12,88	50,98	42	-8,98									
Новохоперск *	18,45	24,5	6,05	50,83	46,2	-4,63									
Воркута	25,98	37,5	11,52	48,26	50,7	2,44	59,48	54,5	-4,98	21,15	20,7	-0,45	19,37	24,8	5,43
Ухта	34,07	46,4	12,33	40,42	41,2	0,78	60,7	55,2	-5,5	22,63	23,3	0,67	16,67	21,6	4,93
Балашов *	30,92	44,6	13,68	42,88	37,2	-5,68	62,57	54,4	-8,17	15,86	23,9	8,04	21,57	21,7	0,13
Корсаков	26,92	32,5	5,58	42,29	44,2	1,91									
Ноглики	22,59	22,2	-0,39	44,65	45,6	0,95									
Холмск	24,18	36,9	12,72	42,13	40,6	-1,53									
Южно-Сахалинск	44,56	54,1	9,54	32,29	27	-5,29									
Удомля	33,17	37,6	4,43	44,8	45,7	0,9									
Абаза	17,41	29,2	11,79	48,31	53,5	5,19	64,75	63,2	-1,55	17,41	17	-0,41	17,84	19,8	1,96
Абакан	37,23	47,8	10,57	38,56	37,6	-0,96	62,66	57,5	-5,16	21,23	24,3	3,07	16,11	18,2	2,09
Саяногорск	27,32	35	7,68	43,11	44,6	1,49	64,76	59,7	-5,06	16,31	16,5	0,19	18,93	23,8	4,87
Шира *	15,01	23	7,99	42,7	56,6	13,9	60,77	60,4	-0,37	22,58	19,6	-2,98	16,66	20	3,34
Салехард	53,12	60,4	7,28	26,43	29	2,57	65,64	58,7	-6,94	19,53	22,3	2,77	14,82	19,1	4,28

Источник данных: Расчёты авторов на данных ВПН-2020 и базы анкетных опросов.

Примечания: * Данные переписи представлены по районам.

Из сравнения исключены населенные пункты Удмуртии, поскольку в соответствующей экспедиции вопрос об уровне образования не задавался.

Также стоит отметить, что для Гусиноозерка, Кяхты (Республика Бурятия), Борисоглебска, Новохоперска (Воронежская область), Балашова (Саратовская область), Ширы (Республика Хакасия) итоги переписи населения представлены в разрезе муниципальных районов, а не городских и сельских поселений, на территории которых собирались данные. Расхождение в доле пропорции населения с высшим образованием колеблется от занижения доли на 0,39 п.п. до завышения на 19 п.п. (в среднем наша выборка завышает долю населения с высшим образованием на 10,4 п.п., а корреляция Пирсона между значениями равна 0,9). Разброс расхождения в пропорции доле населения со средним профессиональным образованием лежит между занижением на 9 п.п. и завышением на 14 п.п., в среднем мы ошибались на 0,7 п.п., корреляция Пирсона между двумя этими показателями - 0,74.

Сравнения брачной структуры респондентов и генеральной совокупности затруднены тем, что для Тверской и Сахалинской областей итоги ВПН по районам и состоянию в браке не опубликованы. Доля людей, состоящих в браке, максимально может быть занижена на 8,2 п.п, завышена на 2 п.п. (в среднем, занижена на 3,7 п.п.), никогда не состоявших – занижена на 3 п.п и завышена на 10,3 п.п. (в среднем завышена на 4,3 п.п.), больше не состоящих в браке – занижена на 9,4 п.п. и завышена 5,4 п.п. (в среднем занижена на 0,7 п.п.). Таким образом, мы наблюдаем достаточно низкий разброс отклонения от пропорций генеральной совокупности.

Таблица П3.   Дескриптивные статистики количественных переменных, использованных в регрессионных моделях

Показатель	Минимум	Максимум	Среднее	Медиана	СКО
Доля неместных уроженцев, %	28,2	67,5	46,8	43,9	9,8
Расстояние до регионального центра, км	0,0	904	208	178	205
Отношение КЦП в организациях СПО к численности населения в возрасте 15–19 лет	0,0	41,2	21,9	22,0	11,6
Индекс качества городской среды	137	235	183	180	26
Отношение средней зарплаты к региональному прожиточному минимуму	3,1	7,9	4,6	3,9	1,4

Таблица П4.   Значения бинарных и категориальных переменных, использованных в регрессионных моделях

Показатель	Категория	Количество	Среднее
Людность населённого пункта проживания, чел.	до 50 тыс.	14	25008
	50–100 тыс.	7	68633
	от 100 тыс.	3	267974
Прирост (убыль) населения в 1989–2021 гг., %	> –10%	9	14,2
	< –10%	15	–23,7
Благоприятность климата	благоприятный	8	—
	неблагоприятный	16	—
Преобладающий сектор занятости	первичный	4	—
	вторичный	11	—
	третичный	9	—